

ДЕЛА ДОМА НОМЕР СЕМЬ

КВАРТИРА, КОТОРОЙ **НЕТ**

АЛЁНА СЕВЕРИНА

Алёна Северина

Квартира, которой нет

<https://litres.ru/74676497>

SelfPub; 2026

Аннотация

На плане дома номер семь появляется квартира между четвёртым и пятым этажами. Её хозяйка требует вернуть документы, но остальные жильцы уверены, что помещение никогда не существовало. Вера Лесина расследует давний обмен правами.

Алёна Северина

Квартира, которой нет

Глава 1. Невозможная планировка

Вера заметила дверь не сразу.

Сначала она решила, что кто-то оставил в коридоре узкий шкаф: между вторым и третьим этажами, на площадке лестницы, где стены сходились под неудобным углом, темнела прямоугольная ниша. В доме номер семь таких ниш хватало. Бывший архивный корпус строили не для удобства жильцов: здесь выступали трубы, прятались старые кабельные короба, лестничные марши словно спорили друг с другом за каждый сантиметр.

Но шкаф не мог быть вмурован в стену.

Вера остановилась, спускаясь с третьего этажа с папкой под мышкой. На нижнем пролёте хлопнула дверь; сверху донёсся звук телевизора и тут же стих. Она посмотрела на часы. Без четверти шесть. В коридорных окнах уже синело, а лампочка над лестницей горела с перебоями, отбрасывая на площадку то резкую желтизну, то тусклый серый свет.

Прямоугольник оказался дверью.

Узкой, старой, крашеной в тот же цвет, что и стена, — когда-то, вероятно, серо-зелёный, теперь выцветший до грязной воды. Краска облупилась по краям, но не настолько, чтобы сразу выдать контур. На уровне глаз Вера различила ма-

ленькую латунную табличку. Она подошла ближе, сдвинула папку и стёрла с металла пыль рукавом.

Ничего. Ни номера, ни фамилии, ни даже следа от снятой надписи.

— Это что ещё такое? — произнесла она вслух.

Голос прозвучал слишком громко. Вера оглянулась. Никого. Только чёрный поручень, отполированный ладонями жильцов, и ступени, уходящие вверх к третьему этажу.

Она достала телефон и включила фонарик. По двери шла тонкая вертикальная щель, почти неразличимая под слоями краски. Ручки не было. Вместо неё — круглая заглушка, под ней — замочная скважина, а ниже, у плинтуса, виднелась короткая царапина, словно кто-то упёрся в дверь металлическим предметом.

Вера подняла руку и коснулась полотна костяшками пальцев.

Звук вышел глухим, но не таким, как от кирпичной стены. Внутри что-то было. Воздух, пустота, пространство — или всего лишь старая кладка, разделённая пустотами. Она постучала ещё раз, осторожнее. На этот раз ей показалось, что звук отозвался из-за двери отдельным, более низким ударом.

Она отдёргнула руку.

Вера не верила в домовую память, хотя слишком долго работала с документами, чтобы считать прошлое безвредным. Люди оставляли следы не только в бумагах. Они меняли планировки, замуровывали проходы, переносили перегородки,

а потом забывали объяснить, зачем. Иногда причина была скучной — дешевле заделать, чем ремонтировать. Иногда за этой скукой начинались чужие решения, о которых жильцам предпочитали не рассказывать.

Она сфотографировала дверь, затем сняла общий план площадки, чтобы сохранить её положение относительно лестничного окна и нумерации этажей. В галерее снимок выглядел обыденно. На нём проступал прямоугольник, более тёмный, чем стена; при вспышке становились заметны две петли с наружной стороны, у одного края двери.

Вера увеличила изображение. Верхняя петля была новее нижней. Или только казалась такой.

— Вы её тоже нашли?

Она обернулась так резко, что папка выскользнула из-под локтя. Листы зашуршали по ступеням. На площадке этажом ниже стояла женщина в тёмном пальто, придерживая ладонью перила. Вера не услышала, как та вошла.

— Простите, — сказала женщина. — Я не хотела вас пугать.

Лет семидесяти, может, чуть старше. Невысокая, сухая, с аккуратно убранными под серую шапочку волосами. На ней были старомодные кожаные перчатки и туфли, явно не приспособленные к скользким ступеням. В другой руке женщина держала плоскую папку на кнопке.

Вера наклонилась за бумагами.

— Вы здесь живёте?

— Жила. Давно. Потом переехала к дочери, но кое-что осталось.

Слово «осталось» она произнесла с такой осторожностью, будто речь шла не о вещах, а о вине.

— Это ваша дверь? — спросила Вера.

Женщина поднялась на площадку. Она смотрела не на Веру, а на крашеное полотно.

— Нет. По крайней мере, мне так говорили.

— Кто?

— Люди, которым было удобнее, чтобы её не существовало.

Вера выпрямилась. Её первой реакцией было отмахнуться от этой фразы как от красивой, но бесполезной. В работе подобные слова обычно появлялись раньше фактов и переживали их дольше. Но женщина уже раскрывала папку.

Внутри лежал лист плотной бумаги, сложенный пополам. На сгибе бумага истончилась и надорвалась. Женщина осторожно развернула её, прижимая углы пальцами в перчатках.

— Вот.

Вера взяла документ не сразу.

— Что это?

— Свидетельство о праве собственности. На квартиру.

— Какой квартиры?

Женщина кивнула на дверь.

— Той, которой нет.

На бумаге стояла печать районного бюро регистрации, да-

та — 1998 год; владелицей значилась мать Тамары Петровны Бельской. Адрес был указан полностью: Грановск, улица Дворечная, дом семь, квартира сорок два. Ниже значились площадь — тридцать один и восемь десятых квадратного метра, жилая — девятнадцать и четыре, две комнаты. Вера медленно провела взглядом по строкам. Номер дома совпадал. Подъезд первый. Этаж — между вторым и третьим, если верить схеме, приложенной к обороту.

— Такого этажа в доме нет, — сказала она.

— Я знаю.

— И квартиры сорок два тоже.

— Теперь нет.

Вера подняла глаза.

— Что значит «теперь»?

Тамара Петровна не ответила сразу. Она прижала папку к груди и посмотрела на дверь так, будто ожидала, что та откроется сама. Потом произнесла:

— После пожара всё переписали. А меня убедили, что я ошиблась.

Слова легли между ними тяжело и тихо. Вера снова посмотрела на документ. Печать была настоящей на вид, но настоящий вид ничего не доказывал. В 1998-м могла существовать предварительная регистрация, ошибочная нумерация, муниципальное помещение, обозначенное квартирой для внутреннего учёта. Бумага могла быть копией. Подделкой. Остатком старой схемы, которую кто-то неверно про-

чёл.

— Вы обращались в архив?

— Конечно. Там сказали, что записи не нашли. Потом сказали, что номер сорок два относился к квартире в другом подъезде. Ещё позже предложили не затевать спор из-за комнаты, которой, по их словам, никогда не было.

— А вы жили там?

Женщина опустила взгляд на свои перчатки.

— Моя мать. Я жила с ней до замужества. Потом приезжала. В той квартире было окно во двор, маленькая кухня и печь, которую нельзя было топить без ведра воды рядом. Она умерла в две тысячи пятом. После этого я туда не возвращалась.

— После пожара?

— Да.

Вера почувствовала, как папка в её руках стала неудобно тяжёлой. Она не хотела обещать ничего, пока не увидит оригинал и не сверит номера регистрации. Но в документах было достаточно конкретики, чтобы не отмахнуться: адрес, площадь, этаж, дата. И дверь, которая не значилась ни на одном из чертежей, просмотренных ею утром.

— Вы уверены, что это именно та квартира?

— Я уверена, что моя мать получала ключ от этой двери.

— Тамара Петровна сжала край папки. — А дальше решайте сами, чему верить.

— Ключ у вас есть?

Женщина молча вынула из внутреннего кармана маленький плоский ключ. Потемневший металл, круглая головка, на стержне — две неглубокие насечки. Он не выглядел старинным. Скорее, обычный ключ от служебного замка, который могли заменить в любой год.

Вера не взяла его.

— Я не могу сейчас ничего обещать.

— Я и не прошу обещаний. — Тамара Петровна протянула ключ. — Только не отдавайте его Нине Савельевне, пока не узнаете, что случилось с моей матерью.

Вера посмотрела на протянутую ладонь.

— Почему вы думаете, что Нина Савельевна что-то знает?

— Потому что она была здесь в тот день, когда я последний раз видела свою мать. И потому что после пожара меня попросили больше не задавать вопросов.

Из квартиры наверху донёсся скрип половиц. Кто-то переступил через комнату и остановился у двери. Вера обернулась к лестнице, но в пролёте никого не увидела.

Когда она снова посмотрела на площадку, Тамара Петровна уже спускалась вниз. Женщина двигалась медленно, держась за перила, а ключ остался на раскрытой папке в руках Веры.

Дверь перед ней по-прежнему не имела номера. Но теперь Вера знала, что у неё есть адрес.

Ключ оказался холоднее, чем Вера ожидала. Она переложила его с папки на ладонь и заметила на металле серую

пыль — такую же, какая оставалась на пальцах после старой двери между этажами.

Снизу хлопнула входная дверь. Тамара Петровна ушла.

Вера не стала догонять её. Пока женщина не передумала, пока не вернулась за ключом, пока не исчезла вместе со своей папкой, Вере следовало хотя бы понять, что именно ей доверили. Она убрала документ во внутренний карман куртки, а ключ зажала в кулаке.

Дверь стояла между вторым и третьим этажами. На стене рядом с ней виднелись две полосы более светлой краски, будто когда-то там висела табличка. Вера провела пальцем по краю металлической накладки. Замок был простой, врезной; на головке ключа темнели царапины, но насечки совпали.

— Только посмотреть, — сказала она вслух.

Лестница не ответила. Из квартиры на третьем этаже донёсся негромкий звук телевизора, затем голос ведущего. Обычный, уверенный голос человека, которому не приходилось сомневаться, существует ли комната за стеной.

Ключ вошёл не сразу. Вера надавила, чуть приподняла его, повернула. Внутри щёлкнуло. Она остановилась, прислушиваясь. Никаких шагов, никаких голосов — только старая труба отопления постукивала в стене.

Дверь подалась на пару сантиметров. За ней не было темноты в привычном смысле: узкая щель открыла серый, пыльный воздух и прямую полосу света, падавшую откуда-то

сверху. Вера приоткрыла створку шире.

За дверью начинался короткий технический переход. Не квартира, не кладовая. Узкая площадка с кирпичными стенами, деревянными накладками на полу и железной лестницей, уходившей вверх под углом. Слева виднелась ещё одна дверь, заколоченная двумя досками. На одной из них сохранился фрагмент белой краски, похожий на след от номера.

Вера шагнула внутрь. Доска под ногой тихо прогнулась.

Она тут же замерла.

В этом доме нельзя было принимать пустоту за отсутствие людей. Даже если на площадке никого не было, чьи-то уши могли оказаться за стеной — жильца, ремонтника, человека, которому не нравилось, что Вера задаёт вопросы. Она осторожно прикрыла дверь, оставив щель шириной в ладонь.

За заколоченной створкой тянуло сухим холодом. Вера достала телефон и включила фонарь. Свет выхватил ржавые гвозди, кирпичную кладку, тонкую полосу штукатурки, скобленную у пола. На кирпиче были карандашные отметки: две вертикальные черты, короткая перекладина и цифры, почти стёртые временем. Похоже на «42», но последняя цифра могла быть просто пятном.

Она сфотографировала отметки, затем сняла общий вид перехода. Фотографии не доказывали, что здесь была квартира. Только то, что за стеной существовало пространство, которого не было на планах.

Зато существовала причина спросить, почему его замуро-

вали.

Вера вернулась на лестничную площадку и прикрыла дверь, не запирая. В ту же секунду сверху раздался быстрый шаг. Она обернулась. На пролёте появилась Нина Савельевна, с хозяйственной сумкой в одной руке и связкой ключей в другой.

Домоуправ остановилась, увидев Веру у двери.

— Вы её открыли?

Вопрос прозвучал не как упрёк. Скорее, Нина Савельевна хотела убедиться, что правильно поняла.

— У меня был ключ.

— Откуда?

Вера не ответила сразу. Слова Тамары Петровны — «не отдавайте его Нине Савельевне» — остались между ними, хотя ни одна из женщин их не произнесла.

Нина Савельевна перевела взгляд на замок. В её лице не было испуга, только усталость, которую она старалась скрыть привычной собранностью.

— Вы знали, что дверь открывается?

— Я знала, что она есть.

— А что за ней?

— Технический переход.

— Вы там были?

— Давно.

Вера слышала осторожность в этом «давно» и не стала подталкивать её к удобной лжи. Она достала телефон и по-

казала снимок стены.

Нина Савельевна наклонилась. Увидев карандашные цифры, сжала ключи в руке.

— Сорок два, — сказала Вера.

— Может быть.

— Тамара Петровна утверждает, что её мать жила в квартире сорок два. На этом этаже.

— Тамара Петровна много лет не была в доме.

— Но документ у неё есть. С адресом, площадью и этажом.

Нина Савельевна посмотрела на Веру внимательнее.

— Она показала вам оригинал?

— Нет. Только копию. Об оригинале мы не говорили.

— Тогда не делайте выводов.

— Я пока делаю фотографии.

Домоуправ опустила сумку на ступеньку. Из неё выглядывала связка свежих лампочек и пакет с хлебом.

— Вы не понимаете, что будет, если жильцы решат, будто у них отняли комнату, — сказала она. — Начнут требовать переселения, компенсации. А если бумаги окажутся неправильными, пострадают те, кто здесь живёт сейчас.

— Поэтому я и не собираюсь ничего объявлять, пока не проверю.

— Вы всегда так говорите.

Вера закрыла телефон.

— А вы всегда отвечаете, что знаете только то, что напи-

сано в журнале?

На этот раз Нина Савельевна не отвела взгляда.

— Нет. Не всегда.

На площадке стало тихо. Где-то в стене щёлкнуло реле, и свет над лестницей на мгновение моргнул. Нина Савельевна посмотрела на дверь, потом на собственную связку ключей.

— Замок меняли после пожара, — произнесла она. — Старый заклинивал. Эту часть перехода закрыли по акту, потому что там осыпалась лестница.

— А дверь в конце?

— Не трогайте её.

— Почему?

— Не знаю, что за ней теперь. После пожара там всё обвалилось.

Она сказала это слишком быстро. Вера заметила не только торопливость, но и то, как Нина Савельевна выбирала слова: не «всё было уничтожено», не «квартиры не существовало», а «не знаю, что за ней теперь».

— Вы видели, как выносили вещи оттуда?

— Вера, не превращайте это в допрос.

— Я пока даже не знаю, что именно расследую.

Домоуправ подняла сумку.

— Тогда сначала выясните, кому принадлежит право решать, что открывать. Не всякая дверь в этом доме принадлежит вам только потому, что вы управляете зданием.

Это было справедливо, и именно поэтому ответ задел. Ве-

ра убрала ключ в карман, подальше от папки Тамары Петровны.

— Вы правы. Я не буду входить туда одна и не стану ничего ломать.

— Хорошо.

— Но если вы знаете, где искать акт о закрытии перехода, покажите мне.

Нина Савельевна задержала дыхание, будто собиралась отказать. Потом её пальцы разжались, и ключи тихо звякнули о металлическое кольцо.

— В архивной комнате. В нижнем ящике шкафа, который не открывают с прошлого года. Я не обещаю, что акт там.

— Этого достаточно.

— Нет, — сказала Нина Савельевна. — Недостаточно. Там может быть не тот документ. И если вы увидите фамилии жильцов, не делайте копий без их согласия.

Вера кивнула. Не из доверия — пока лишь потому, что понимала цену этих фамилий.

Нина Савельевна спустилась на этаж ниже. Вера осталась у двери, прислушиваясь к её шагам. Теперь у неё был не только ключ и копия спорного документа. У неё появилось первое признание: переход существовал, его закрывали по акту, а женщина, которую Тамара Петровна просила не подпускать к делу, знала, где искать следы.

Вера снова посмотрела на замок. Затем достала телефон и отправила Ладе короткое сообщение: «Нужна помощь с

проверкой документа на квартиру. Ничего не вскрываю и не объявляю. Можешь зайти сегодня?»

Ответ пришёл почти сразу.

«Зайду. Оригинал документа не трогать без согласия владельца. И дверь пока не запирайте так, чтобы жильцы потеряли доступ».

Вера перечитала сообщение. Лада не спросила, верит ли она Тамаре Петровне. Не потребовала объяснить, зачем ей это нужно. Просто обозначила границы, за которыми чужое право могло пострадать.

Вера убрала телефон и повернула ключ в замке. Щелчок прозвучал негромко, но теперь он означал не открывшуюся дверь, а решение не входить дальше в одиночку.

Лада пришла через двадцать минут — с папкой под мышкой и мокрыми от дождя рукавами. Она стряхнула воду с пальто у входа, но в коридор не прошла, пока Вера не отступила от двери.

— Ты одна?

— Пока да. Тамара Петровна ушла к себе. Нина Савельевна спустилась в архивную комнату.

— А документ?

— У меня копия. Оригинал у Тамары Петровны.

Лада сняла очки, протёрла линзы краем шарфа.

— Тогда сначала поговорим с ней. Не хочу, чтобы копия превратилась в основание для решения, которое мы не вправе принимать.

— Я и не собиралась объявлять квартиру существующей.

— Хорошо. — Лада посмотрела на дверь перехода. — Но ты уже решила, что она не существует?

Вера не ответила сразу. За дверью было тихо. Она всё ещё помнила, как тяжело повернулся ключ и как из щели потянуло сухим холодом, хотя коридор прогрелся от батареи.

— Нет, — сказала она. — Решила, что не знаю.

— Это лучше.

Они пошли к квартире Тамары Петровны. Та открыла почти сразу, словно всё это время стояла за дверью. На столе в тесной кухне лежала развернутая папка, а рядом — аккуратно сложенные квитанции и медицинские рецепты.

— Вы привели адвоката, — сказала она, глядя на Ладу.

— Соседку, — поправила Лада. — И адвоката, если понадобится. Но сейчас я хочу понять, что вы просите от Веры.

Тамара Петровна села, не предложив им места. Потом посмотрела на Веру:

— Я прошу установить, существовала ли квартира, которую моя мать получила в собственность. Не отнимать у кого-то комнату. Не предъявлять права на весь дом. Только узнать, почему в документах она есть, а на плане её нет.

— Вы знаете, когда появился документ? — спросила Лада.

— В девяносто восьмом. Мать получила его при приватизации. Там указаны адрес, площадь и номер квартиры. Я принесла копию.

— А оригинал?

— В папке дома.

— В смысле — в доме?

— В сейфе Нины Савельевны. Мать отдала его ей на хранение после пожара. Боялась, что потеряет.

Лада повернулась к Вере.

— Это важная деталь. Нельзя забирать папку без согласия Тамары Петровны. И нельзя открывать закрытый переход, будто там уже ваше имущество.

— Я знаю.

— Знаешь — не значит, что не торопишься.

Вера почувствовала, как внутри поднимается раздражение, но не стала отводить глаза.

— Я не тороплюсь. Я хочу понять, откуда взялась запись.

— Тогда предлагаю начать с самого документа, — сказала Лада. — Кто его выдал?

Тамара Петровна придвинула копию. Лада не коснулась её, пока хозяйка не кивнула. Печать была бледной, но различимой. Внизу стояли подпись председателя городского комитета и номер регистрационной записи.

— Это не просто бумага из семейного архива, — сказала Лада. — Тут есть номер. Его можно проверить по книге регистрации.

— Если книга сохранилась, — заметила Вера.

— И если её не подменили, — сказала Тамара Петровна. — Мать говорила, что в том году в архиве меняли карточки.

Никто не знал, куда делись старые.

— Кто менял?

— Она не называла имени. Только говорила, что молодой сотрудник помогал переносить дела после ремонта.

Вера посмотрела на дату. Пожар был в 2004-м. Документ выдали за шесть лет до него — достаточно давно, чтобы память Тамары Петровны могла стереть подробности, но не настолько, чтобы объяснить исчезновение квартиры.

— Вы готовы дать Ладе разрешение запросить регистрационную запись? — спросила Вера.

— Да. Но только по этой квартире.

Лада достала из папки чистый бланк.

— Так и укажем.

Пока Тамара Петровна подписывала согласие, в дверь постучали. На пороге появилась Нина Савельевна. В руках она держала жестяную коробку с потёртым замком.

— Нашла, — сказала она. — Не акт о закрытии перехода. Коробку с фамилией вашей матери.

— Почему принесли сюда? — спросила Вера.

— Потому что это дело Тамары Петровны тоже. И потому что я больше не хочу, чтобы кто-нибудь решил, будто я всё спрятала только от вас.

Она поставила коробку на стол, но не открыла. Старый замок был не заперт, ключа не было.

— Коробка лежала за трубой в техническом коробе, — объяснила Нина Савельевна. — Я думала, там одни счета. А

на крышке снаружи написана фамилия вашей матери, Тамара Петровна. Я ничего не читала.

— Вы уверены? — спросила Лада.

— Я увидела только фамилию.

Нина Савельевна коснулась застёжки, однако рука дрогнула. Вера заметила тонкую полоску бумаги, зажатую между крышкой и боковой стенкой.

— Там записка, — сказала она.

Все посмотрели на щель. Бумага была пожелтевшей, сложенной вчетверо. На внешней стороне виднелись две буквы и дата: «Т. П. 04.11.04».

— Это может быть моей матери, — прошептала Тамара Петровна.

Лада не позволила никому потянуть за лист.

— Давайте зафиксируем, как коробка выглядела до открытия. Нина Савельевна, вы можете подтвердить, где и в каком состоянии нашли её?

— Да.

— Тамара Петровна, вы согласны, чтобы мы посмотрели содержимое при вас?

— Согласна.

Вера сфотографировала коробку с обеих сторон, не приближая камеру к щели. Потом Лада взяла небольшой нож для бумаги из ящика и осторожно перерезала выцветшую бечёвку, стягивавшую крышку. Внутри лежали копии заявлений, квитанции и несколько листов с пометками. Бумажная

полоска оказалась приклеена к внутренней стороне крышки.

Тамара Петровна узнала почерк.

— Мамин.

Она прочла записку вслух:

— «Ключ передала Нине. Из комнаты ничего не выносить, пока не составят опись. Проход закрыли не из-за обвала. В стене остались бумаги».

Нина Савельевна побледнела.

— Я получила ключ, да. Но про бумаги не знала.

— К какому проходу относится записка? — спросила Лада.

— Думаю, к тому, — ответила Тамара Петровна. — Мать после пожара туда вернулась. Один раз. Потом сказала, что больше не пойдёт.

Вера снова посмотрела на дату. Записка была составлена спустя несколько месяцев после пожара, когда пожарные ещё разбирали последствия, а городские службы принимали решения о восстановлении здания. Никакого доказательства существования квартиры она не давала. Но теперь закрытая дверь вела не просто к неизвестному помещению. Где-то за ней могли оставаться документы, которые кто-то намеренно не включил в опись.

— Мы не будем вскрывать дверь сегодня, — сказала Лада. — Сначала проверим право собственности и происхождение этой коробки. А если понадобится осмотр, оформим его с участием жильцов и специалиста.

Нина Савельевна кивнула, не споря.

— Я покажу, где нашла коробку.

— Не одна, — сказала Вера. — Я пойду с вами.

— Нет, — ответила Лада. — Сначала Тамара Петровна должна решить, хочет ли она участвовать.

Тамара Петровна прижала ладонь к краю стола. Некоторое время она молчала, потом выпрямилась.

— Хочу. Это бумаги моей матери. И если в той комнате что-то осталось, я должна знать, что именно.

Лада достала второй бланк согласия.

Вера отступила от стола, освобождая место. Ей хотелось спросить Нину Савельевну, почему та не вспомнила записку раньше, и Тамару Петровну — что мать рассказывала о возвращении в закрытый проход. Но теперь эти вопросы могли подождать. Впервые за день решение не принадлежало ей одной, и от этого путь к двери не стал короче. Зато стал честнее.

Нина Савельевна поднялась первой. Она взяла связку ключей, но у двери кухни задержалась, будто собиралась оставить их на столе.

— Я сама покажу, — сказала она. — Только не надо делать вид, что я всё это время знала, что в коробке.

— Пока никто такого не говорит, — ответила Лада. — Но нам важно записать, когда вы её нашли и кто ещё видел.

— А если я не помню точный день?

— Так и запишем. Не будем заменять память догадками.

Нина взглянула на Тамару Петровну. Та не отвела глаз.

— Я не хочу вас обвинять, — произнесла она. — Пока не знаю, что именно произошло. Но вы действительно получили ключ от мамы?

— Получила. В июле две тысячи четвёртого. После пожара. Она принесла его в контору, завернула в платок и сказала: «Если спросят, это от кладовой». Я тогда решила, что речь о подсобке у старой шахты. Таких ключей по дому было полно.

— А записку вы не видели?

— Нет.

Нина сказала это тихо, однако не виновато. Скорее сердито — на саму себя, на давнюю привычку брать чужие слова без вопросов, если они не требовали от неё немедленного решения.

Вера взяла телефон и включила запись.

— Я фиксирую разговор. Все согласны?

Лада кивнула. Тамара Петровна тоже. Нина помедлила, потом сказала:

— Да. Только если потом дадите мне послушать.

— Конечно.

Они вышли в коридор. В доме стояла дневная тишина: за стеной кто-то включил воду, по лестнице прошаркали мягкие домашние тапочки. Вера вдруг остро ощутила, что за их спинами остались обычные двери, обычные люди и обед, который остывал на чьей-то плите. Закрытый проход не имел права превращать весь дом в декорацию для их расследова-

ния.

Нина повела их не к лестнице, а в комнату домоуправа. У двери к ним присоединился Арсений. Там она отодвинула металлический шкаф, за которым обнаружилась низкая дверца. Вера знала о ней: за дверцей начинался технический короб с трубами, к которому сантехники обращались раз в несколько лет. Нина открыла навесной замок, включила свет.

— Коробку нашла за трубой, — сказала она. — В конце прошлой недели. Пришла проверить, не течёт ли стояк. Увидела край картона. Сначала подумала, что это старая упаковка.

— Почему не выбросили? — спросила Лада.

— Потому что на крышке было написано «Савельевы». Я решила, что коробка Тамары Петровны. Хотела спросить, когда встречу. И решила, что не имею права разбирать содержимое без неё.

Тамара посмотрела на низкий проём.

— Здесь раньше хранили хозяйственные вещи?

— Иногда. Но ключ от этого замка у меня появился уже после пожара. Дверцу тогда никто не запирали.

Арсений, всё это время державшийся чуть поодаль, наклонился к проёму, не переступая порог.

— На полу пыль нарушена только у трубы и возле коробки, — сказал он. — Следов волочения не вижу. Но это ничего не говорит о том, сколько она там стояла.

Он говорил спокойно, без той уверенности, которая обычно звучала в голосе людей, привыкших давать объяснение прежде, чем закончат осмотр. Вера поймала себя на том, что ждёт от него оценки: заметил ли он то же, что и она. Потом напомнила себе, что его внимание не было обещанием разделить её вывод.

— Кто-нибудь, кроме вас, мог войти? — спросила Лада.

— У мастеров есть доступ, если случается авария. Но тут месяцами ничего не ломалось. Я не могу ручаться, что никто не заходил.

— И правильно, что не ручаетесь, — сказала Лада.

Нина приняла эти слова, не улыбнувшись.

Тамара Петровна остановилась перед проёмом. Её пальцы сжали ремешок сумки.

— Мать говорила, что вернулась туда один раз. Но я думала, она имеет в виду квартиру. Она могла заходить через эту дверцу?

— Не знаю, — ответила Вера. — Проём, который мы видели между этажами, находится дальше. Этот короб соединяется с коммуникациями, но мы не проверяли, куда именно.

— Значит, записка могла относиться к другому месту, — произнесла Тамара.

— Могла, — согласилась Лада. — Пока мы не увидим дверь и документы, это только версия.

Вера открыла фотографии, сделанные возле коробки, и

приблизила снимок внутренней крышки. На полоске бумаги проступали вдавленные следы от того, что когда-то лежало сверху. Она увеличила изображение. Несколько линий складывались в цифры, но различить их было нельзя.

— Здесь могла быть ещё одна запись, — сказала она.

— Не трогайте листок, — предупредила Лада. — Позже его снимет специалист. С масштабной линейкой и нормальным освещением.

— Я ничего не собиралась трогать.

— Знаю. Но вы уже смотрите так, будто цифры обязаны объяснить всё остальное.

Вера убрала телефон. Замечание было справедливым, и именно поэтому задело. Она не стала отвечать.

Из соседней комнаты донёсся короткий звонок. Нина вышла и вернулась с аппаратом внутренней связи.

— Матвей, — сказала она, глядя на экран.

Вера подняла голову.

— Ответьте.

— Ты где? — голос брата прозвучал резко, с помехами. — Я у двери. Тут Лада сказала, что вскрытия сегодня не будет, а теперь никто не берёт трубку.

— Мы в комнате домоуправа. Не вскрываем ничего.

— Тогда я поднимусь.

— Подожди, — вмешалась Лада. — Тамара Петровна должна решить, кто будет присутствовать дальше.

Пауза затянулась. Вера услышала, как брат втянул воздух.

— Я не собираюсь ничего вскрывать, — сказал Матвей.
— Хочу увидеть, что вы нашли. Это технический короб, и я знаю, как его проверить без того, чтобы разворотить стену.

Тамара посмотрела на Ладу.

— Я не против, если он осмотрит коробку снаружи. Но к двери пусть не подходит.

— Согласен, — отозвался Матвей в динамике.

Когда он вошёл, на его рукаве темнело пятно машинного масла. Вера заметила ещё и полоску гипсовой пыли на запястье.

— Ты был в подвале? — спросила она.

— Менял прокладку у стояка. Ничего интересного.

Он не взглянул на сестру, пока не подошёл к проёму. Осмотрел дверцу, замок, отколотую краску. Затем присел возле коробки, но рук не протянул.

— Эту дверцу недавно открывали, — сказал он.

Нина Савельевна напряглась.

— Я открывала.

— Не про тебя. Замок старый, а вокруг скобы свежая царапина. Не сегодняшняя, но и не многолетняя.

— Почему ты решил, что не сегодняшняя? — спросила Лада.

— Края уже потемнели. Пару дней, может, неделю. Точнее не скажу.

— Ты видел это раньше?

Матвей выпрямился и наконец посмотрел на Веру.

— В подвале лежит старая скоба от такой же двери. Я её вчера выкинул.

— Зачем? — спросила Нина.

— Потому что она валялась на полу возле щита, мешала пройти. Я не знал, что вам понадобятся её фотографии.

Лада не повысила голоса:

— Ты не должен был её выбрасывать?

— Теперь понимаю.

Вера ощутила, как внутри поднимается раздражение. Не на него одного — на собственную поспешность, на то, что они разговаривали об аккуратном осмотре, пока важная мелочь уже исчезла.

— Где именно она лежала? — спросила она.

— У щита, напротив трубы. Я отнёс металл в контейнер для лома. Он ещё во дворе.

Лада посмотрела на часы.

— Никто ничего не трогает. Я зафиксирую место и составлю запись. Матвей, вы покажете нам контейнер, но доставать скобу будете только по нашей просьбе.

— Ладно.

Вера ждала, что он добавит что-нибудь резкое, но Матвей лишь кивнул. Впервые за день он не спорил с её осторожностью и не пытался вырвать решение у неё из рук. Однако находка изменила их исходное положение: к закрытой двери вёл не только старый след, но и, возможно, недавнее вмешательство. А значит, прежде чем искать бумаги за стеной, им

предстояло выяснить, кто и когда трогал замок.

Во дворе пахло мокрым железом и пылью. Контейнер для лома стоял у стены под водосточной трубой; на крышке блестяли редкие капли, хотя дождь закончился ещё утром. Матвей остановился в нескольких шагах.

— Вот здесь. Я бросил скобу сверху, не копался.

Лада достала телефон.

— Сначала сниму контейнер и место вокруг. Потом запишу, кто и когда будет что-то делать.

— Ясно, — сказал Матвей.

Он не выглядел обиженным. Скорее уставшим; пятно масла на рукаве теперь казалось темнее, почти чёрным. Вера поймала себя на желании сказать, что он не виноват в том, что не знал о значении скобы, — и промолчала. Сочувствие не должно было становиться оправданием, как и её раздражение не давало права назначать виноватого.

Тамара Петровна осталась у подъезда. Она смотрела на контейнер, но держалась так, будто пришла сюда не ради металла, а чтобы убедиться: никто не попытается унести её бумагу.

— Вы уверены, что это была именно скоба? — спросила она.

— П-образная, с двумя отверстиями. От замка или накладки, — ответил Матвей. — Я решил, что её сняли с какой-то двери.

— А вы не спросили, откуда она? — сказала Нина Саве-

льевна.

— Не спросил. У меня тогда тек стояк, а в подвале проход был заставлен. Я убрал железку, чтобы никто не наступил.

Нина отвела взгляд. Вера заметила, как та сжала ключи в кулаке: связка тихо звякнула.

Лада закончила фотографировать и повернулась к Матвею.

— Покажите, где лежал лом. Только тот верхний слой, который не надо разбирать.

Матвей подошёл к контейнеру сбоку, не наклоняясь через край. Лада сняла его руку на видео, затем попросила указать, куда именно он бросил скобу. Он показал на смятый лист оцинковки и кусок старой решётки. Скобы сверху не было.

— Может, её сдвинули, — сказал он. — Контейнер опорожняли?

— Когда последний раз? — спросила Вера.

— Вчера утром приезжал грузовик. Но я бросил скобу после обеда.

— Кто-нибудь мог забрать металл после тебя?

Матвей оглянулся на двор. У ворот мальчишка катил велосипед, подняв ноги над лужей; из открытого окна первого этажа доносился приглушённый телевизор.

— Любой, кто проходил мимо. Контейнер не запирается.

— Значит, мы не можем утверждать, что скобу кто-то специально забрал, — сказала Лада. — И нельзя считать её доказательством вмешательства, пока не найдём ещё что-то.

— Я и не утверждал, — ответил Матвей. — Сказал только, где оставил.

Вера посмотрела на него. Прямота далась ему явно не легче, чем ей — отказаться от вопроса, который уже крутился на языке: кто именно мог знать о двери? Она кивнула, принимая не вывод, а границу того, что они пока могли сказать.

— Но мы знаем, что замок открывали недавно, — произнесла она. — Это отдельный факт.

— Если царапина действительно свежая, — поправила Лада. — Матвей оценил её на глаз. Нужны снимки крупным планом и человек, который умеет датировать следы точнее.

— Такой человек у меня есть, — сказал Арсений.

Он стоял у калитки, держа в руке тонкую папку. Вера не услышала, как он вошёл во двор. Его взгляд задержался на контейнере, потом перешёл к лицу Матвея.

— Я не буду осматривать замок без согласия жильцов и без Лады, — добавил он. — Но могу сфотографировать повреждение с масштабной линейкой. Потом передать снимки эксперту. Без изъятия, пока не будет решения, как это оформить.

— Ты пришёл один? — спросила Вера.

— Да. Вызова не было, но ты написала, что нашёлся возможный след инструмента. Я решил, что лучше уточнить, нужна ли помощь. Если нет — уйду.

Он не посмотрел на дверь, будто заранее показывал, что не собирается приближаться без разрешения. Вера вдруг по-

няля, что он не предлагает ей решение. Оставляет возможность отказать.

— Нужна, — сказала она. — Но сначала спроси Тамару Петровну.

Арсений повернулся к ней.

— Вы согласны на фотографирование замка? Ничего не трогать, дверь не открывать. Снимки останутся у Лады, а копию получу я для консультации.

Тамара помедлила.

— Если Лада будет рядом.

— Буду, — сказала адвокат.

— Тогда согласна.

Арсений раскрыл папку и вынул прозрачный пакет с бумажной линейкой. Его движения были привычными и сдержанными, без той особой сосредоточенности, которая превращает любой предмет в улику заранее. Он попросил Матвея не идти с ними, и тот остался у контейнера.

Пока Вера, Лада и Арсений возвращались в дом, Нина Савельевна догнала их на крыльце.

— Я должна сказать кое-что о ключах, — произнесла она.

Вера остановилась.

— О каких именно?

— У меня есть старый журнал выдачи. Не официальный, мой. После пожара я записывала, кому передавали ключи от технических помещений. Не все записи сохранились.

— Вы говорили, что не знаете, у кого был ключ от этой

двери.

— Я сказала, что не помню, чтобы его выдавали. Это не одно и то же.

Лада ничего не ответила, только достала телефон и включила диктофон.

Нина посмотрела на красную точку записи и всё же продолжала:

— Несколько лет назад ключи от нижних технических дверей просил бывший электрик. Сказал, что проверяет проводку после скачков напряжения. Я дала ему связку на один вечер. Он вернул утром. Я внесла это в журнал, но фамилию не записала.

— Почему? — спросила Вера.

— Потому что тогда он был не нанятым электриком, а сыном жильца. Я не хотела, чтобы его мать получила неприятности из-за того, что он помогал по дому без договора.

Вера не спросила, о ком речь. Пока они не видели записи, имя оставалось только воспоминанием Нины. А воспоминание, даже искреннее, не становилось доказательством.

— Вы покажете нам журнал, — сказала Лада. — Не отдавая его из рук, если не хотите. Сначала мы зафиксируем страницы.

Нина кивнула. Вера заметила, что та больше не прячет ключи в ладони. Но облегчения на её лице не было.

За дверью между этажами по-прежнему ждала квартира, которой не существовало на планах. А теперь рядом с ней

появилось новое направление поиска — не имя виновного, а запись, которую Нина слишком долго боялась открыть.

Глава 2. Три версии прошлого

Нина не пошла за журналом сразу. Сначала она поднялась к себе, предупредив, что записи лежат в нижнем ящике письменного стола и что достанет их сама. Лада осталась у двери, не настаивая. Вера спустилась на площадку между вторым и третьим этажами и остановилась напротив тёмного прямоугольника.

Теперь, когда она знала, где смотреть, дверь казалась почти очевидной. Узкая створка, выкрашенная той же серой краской, что и стены, без ручки и без номера. По краям краска легла неровно, будто её наносили не на стену, а на дерево. Вера поднесла ладонь, не касаясь.

— Ты тоже думаешь, что её стало видно только после того, как мы узнали о ней? — спросил Арсений.

Он стоял ступенью выше. В руках у него была рулетка, в нагрудном кармане куртки торчал карандаш.

— Я думаю, что вчера здесь была ниша, а сегодня я вижу дверь, — ответила Вера. — Это не одно и то же.

Арсений кивнул, словно она сказала что-то важное не о стене, а о себе.

— Давай измерим.

Он приложил рулетку к выступу стены и начал с площадки. Вера достала блокнот. Точные размеры были полезнее впечатления, хотя впечатление никуда не исчезало: на узкой

лестнице было трудно представить, что за стеной помещается целая комната. Но дом строили на месте архивного корпуса, и планировки здесь менялись не раз. Иногда старые помещения урезали, иногда закладывали, иногда оставляли между этажами проходы для труб и кабелей.

— Ширина лестничного марша — метр двадцать шесть, — сказал Арсений. — Площадка — метр сорок. Если за этой стеной есть помещение, оно не может быть глубоким. Иначе мы бы увидели выступ на плане этажа.

— На каком плане?

— На том, который я запросил у управляющей организации. Они прислали копию технического плана, не архивный оригинал. Я ещё сверю с пожарной схемой.

— Значит, пока мы знаем только то, что на копии помещения нет.

— Именно.

Он не сказал «квартиры нет». Вера оценила эту осторожность.

На втором этаже хлопнула дверь. Из неё вышла женщина лет пятидесяти в домашнем кардигане, прижимая к груди связку ключей. Она увидела их возле стены и задержалась.

— Опять вы здесь?

— Мы проверяем старую конструкцию, — ответил Арсений. — Вы давно живёте в доме?

— С девяносто восьмого года. А что?

Вера представилась и спросила, помнит ли та, что раньше

находилось за этой стеной.

Женщина посмотрела на серую краску, потом на Веру, будто решала, шутит ли та.

— Там кладовка была. Не у жильцов, домовая. Веник, вед-ро, соль от гололёда. Потом пожарные всё закрыли.

— После пожара 2004 года? — уточнила Вера.

— А когда же ещё? После того пожара полдома по углам разбредось. Мы с мужем ночевали у сестры. Вернулись — тут уже всё иначе было. Только кладовка никуда не делась, её просто заколотили.

Лада, поднявшаяся по лестнице с папкой, остановилась рядом.

— Вы видели её изнутри?

— Конечно. Нина Савельевна ключ давала, когда трубы подмело. Там кран перекрывался. — Женщина резко посмотрела на дверь. — А вы чего спрашиваете? Опять хотят жильцов выселять?

— Никого не собираются выселять, — сказала Лада. — Мы пока устанавливаем, что это за пространство и кому оно принадлежит.

— Вот это «пока» мне не нравится.

— Понимаю, — ответила Лада без улыбки. — Если появится документ, который затрагивает ваши права, вы его увидите до того, как кто-либо начнёт что-то решать.

Женщина прищурилась, затем назвала своё имя — Марина Ильинична — и добавила, что может найти старую фото-

графию. На ней, кажется, был виден этот участок лестницы после ремонта. Она ушла к себе, но ключи в её руке звякали уже тише.

Арсений свернул рулетку.

— Кладовка с краном. Если память верная.

— А если нет?

— Тогда мы найдём противоречие. Это не одно и то же, что доказать, будто она врёт.

Вера записала слова Марины Ильиничны отдельно от замеров. Свидетельство, дата, возможный источник проверки. Она старалась не превращать человеческую уверенность в факт, особенно когда та звучала убедительно.

С лестницы донеслись быстрые шаги. Поднялся Матвей, сжимая в руке телефон. На рукаве его толстовки белела полоска гипсовой пыли.

— Мне сказали, вы ищете человека, который знает старые трубы. Это правда?

— Пока нет, — ответила Вера. — А почему ты спрашиваешь?

— Потому что я помню эту стену. Когда мне было лет десять, тут стояла конторская мебель. Не кладовка. Шкаф с выдвижными ящиками, и Нина Савельевна запрещала его трогать. Там были карточки жильцов.

Марина Ильинична, уже вернувшаяся к своей двери, усмехнулась.

— Не было тут никаких карточек. Ты всё перепутал. В

доме всегда стояли вёдра.

Матвей вспыхнул.

— Я не перепутал.

Вера подняла руку, останавливая его прежде, чем спор стал громче.

— Ты помнишь сами ящики или то, что тебе говорили о них?

— Сами. Я помогал Нине Савельевне переносить бумаги. После пожара, когда архив разбирали.

— Когда именно?

Он задумался.

— Не знаю. Может, в две тысячи пятом. Я был маленький. Отец был занят ремонтом, а мама... — Матвей оборвал фразу и сунул телефон в карман. — Неважно. Там были карточки, и кто-то потом велел их убрать.

Лада не стала спрашивать, кто именно велел. Вера тоже не стала. В памяти Матвея были детали, но дата расплывалась; в памяти Марины Ильиничны — дата возвращения домой, но неясно было, видела ли она помещение после ремонта. Две версии не складывались, однако и не уничтожали одна другую.

— Я принесу ту фотографию, — сказала Марина Ильинична, уже без прежней резкости. — Если найду.

Матвей посмотрел ей вслед.

— Она не хочет, чтобы здесь что-нибудь меняли.

— Это мы уже поняли, — сказала Лада. — И пока никто

ничего не меняет.

Арсений присел у нижнего края стены. Там, где краска облупилась над плинтусом, проступала узкая тёмная линия.
— Это не похоже на шов в штукатурке.

Он осторожно провёл пальцем рядом, не касаясь отслаивающегося края.

— На чём похоже? — спросила Вера.

— На край старой дверной коробки. Но нужно подтвердить. Могли заложить проём, а могли просто плохо заделать трещину. Я не буду угадывать.

Он сфотографировал участок рядом с рулеткой для масштаба и переслал снимок себе. Вера заметила, как спокойно он обращался с неопределённостью: не прятал её за уверенным голосом и не отдавал ей всю власть.

Из квартиры Нины Савельевны донёсся щелчок замка. Та появилась на лестнице с плотной тетрадью в руках, прижатой к животу.

— Я нашла журнал, — сказала она. — Но сперва хотела бы уточнить одну вещь. Если там будет имя, это не значит, что тот человек что-то сделал.

— Не значит, — ответила Вера.

— И если там будет ошибка, вы не станете называть её намеренной.

Лада посмотрела на тетрадь.

— Мы сначала зафиксируем запись и проверим, что можно проверить. Имена не будут выводиться в разговоры с

жильцами без оснований.

Нина передала журнал Вере, но пальцы разжала не сразу. Тетрадь была в потёртой зелёной обложке. На корешке выцвело «Технические ключи». Вера положила её на широкие перила, раскрыла на нужной странице, а Лада достала телефон и включила запись только после того, как Нина дала согласие.

В строке за октябрь 2006 года значилось: «Нижняя связка. Проверка кабельного короба и закрытой кладовой». Ниже — короткая приписка другим почерком: «Доступ к архивным ящикам, по просьбе администрации. Один вечер». Подписи не было.

Вера перечитала запись, стараясь не торопиться.

— Вы помните, чья рука? — спросила она.

Нина наклонилась над страницей.

— Первая моя. Приписка не моя. Я тогда ещё не знала, что именно открывали.

Матвей подался ближе, но не коснулся журнала.

— Архивные ящики, — произнёс он. — Значит, я не выдумал.

— Значит, в тот вечер кто-то получил доступ к ящикам, — сказала Вера. — А где они стояли и что в них хранилось, запись не объясняет.

— И кто попросил доступ, тоже не объясняет, — добавила Лада. — Пока это полезная зацепка, не ответ.

Сверху потянуло холодным воздухом. На лестнице не бы-

ло открытого окна; узкая дверь между этажами оставалась неподвижной, но где-то за стеной простучала труба. Арсений поднял голову, прислушался, затем посмотрел на свои замеры.

— Возможно, полость связана со старым техническим переходом. Завтра я сравню планы пожарной охраны и обмеры здания. Если переход есть, он должен где-то выходить. Если его нет, придётся искать другое объяснение.

Вера закрыла журнал, не выпуская из виду незаполненную строку с датой возврата ключей. Дверь за серой краской не стала понятнее, но теперь у неё была история, которая не принадлежала одному человеку: кладовая Марины Ильиничны, ящики Матвея, доступ из записи Нины. Ни одна версия ещё не победила. И впервые дом номер семь ответил на вопрос не новым шорохом, а строчкой, которую можно было проверить.

Утром Вера разложила на кухонном столе три листа: копию журнала Нины Савельевны, схему лестничных пролётов, которую Арсений принёс из муниципального архива, и чистую страницу в блокноте.

На ней она написала: «Что помнят жильцы» — и провела вертикальную черту. Справа вывела: «Что подтверждено документами».

— Если мы будем записывать всё подряд, получится не расследование, а собрание страшных историй, — сказала Лада, наливая себе остывший чай.

— А если не записывать, мы заранее решим, что люди путают, — возразил Матвей.

Он сидел на подоконнике, хотя Вера уже дважды просила так не делать. Колено у него дёргалось, ботинок постукивал по стене.

— Я не решаю, что они путают. Я хочу понять, где память, а где след.

Арсений, склонившийся над планом, поднял глаза.

— Это одна и та же работа, только с разных сторон. Воспоминание помогает задать вопрос. Документ — проверить ответ.

Вера отметила его слова в блокноте, не потому что они были новыми, а потому что услышать их от другого человека оказалось полезно. Она привыкла выстраивать порядок сама и замечала, как быстро это превращается в привычку решать за всех, какой порядок кому нужен.

— Начнём с тех, кто жил здесь до пожара, — сказала она. — Не будем спрашивать, что они думают о двери. Только что помнят про пространство между этажами и про ящики.

— Марина Ильинична уже говорила: кладовая, — напомнил Матвей.

— Она говорила, что там держали веник, ведро и соль от гололёда. Это отдельное свидетельство. А была ли там дверь, когда она туда ходила, мы ещё не знаем.

Лада захлопнула папку.

— И никто не будет ходить к людям с включённой записью

без согласия.

— Поняла.

— Не просто «поняла», Вера. Ты умеешь задавать вопросы так, что человеку кажется, будто ответ уже должен быть правильным.

Вера сдержала первый ответ. Он поднялся привычно, готовый объяснить, почему сейчас не время разбирать её манеру говорить. Но Лада не отводила взгляда, и спорить с точным замечанием оказалось труднее, чем с несправедливым.

— Тогда пойдём вдвоём, — сказала Вера. — Ты остановишь меня, если я начну вести разговор.

— Остановлю.

Первой открыла дверь Марина Ильинична. На этот раз она не позвала их внутрь, а осталась на пороге, в шерстяной кофте поверх платья. За её спиной виднелась кухня, заставленная банками с яркими крышками.

— Опять про мою кладовку?

— Про ваше воспоминание, — уточнила Лада. — И только если вы согласны поговорить.

Марина прищурилась, потом уступила дорогу.

— В кладовке банки стояли до самого потолка. Я их сама туда носила. Дверь была узкая, с крючком изнутри. Иногда туда забирались дети, если взрослые ругались.

— Вы помните, как выглядела дверь? — спросила Вера.

— Коричневая. Краска облупилась у ручки. И пахло там сырым кирпичом.

— Когда вы видели её в последний раз?

Марина задумалась. Молчание вышло долгим; за окном звякнула тележка дворника.

— До пожара, конечно. Потом нас сюда не пускали. Я вернулась через два месяца, а кладовой уже не было. Там стену подлатали.

— Вы сами видели, как её закладывали?

— Нет. Мне сказали, что заложили. Кто сказал — не помню. Времени тогда было не до кирпичей.

Вера записала отдельно: «Памнит дверь и крючок до пожара. Исчезновение после пожара — со слов неустановленного человека». Марина проследила за ручкой.

— Вы мне не верите?

— Я верю, что вы так помните. Но пока не знаю, что именно подтверждает это воспоминание.

Старая женщина поморщилась, будто услышала уклончивость.

— Ваша мать говорила так же. Сначала спрашивала, потом записывала, а потом выяснялось, что люди помнят неправильно.

Вера замерла над строкой.

— Моя мать здесь работала?

— Нет. Она приходила искать бумаги. После пожара. Не знаю, что нашла.

Лада не стала задавать следующий вопрос сразу. Она подождала, пока Марина сама продолжит.

— Все тогда искали одно и то же: кто где жил, кому что вернут, у кого какие вещи пропали. Если вы хотите услышать, что я помню каждый день, я не помню. Мне было сорок два, у меня сын с ожогом на руке, и всё пахло мокрой золой.

Вера закрыла блокнот.

— Мы не будем просить вас вспоминать то, чего вы не помните.

Марина посмотрела на неё пристально, затем кивнула. Когда они вышли в коридор, Лада тихо сказала:

— Вот это и нужно было записать.

— Про мать?

— Про границу. Не всё, что человек не может доказать, становится ложью. Но и правдой для дела от этого не становится.

Следующим оказался Семён Петрович из первого подъезда. Он помнил не кладовую, а «комнату с проводами», куда его подростком посылали за инструментом. По его словам, там стоял деревянный ящик с номером тринадцать. Он помнил это точно, потому что однажды прищемил крышкой палец.

— А когда вы туда ходили? — спросил Арсений.

— В девяносто девятом. Может, в двухтысячном. Я тогда в училище учился.

— Кто вас посылал?

— Отец. Он ремонтировал здесь всё, что управляющая

контора не успевала.

— Вы видели архивные папки?

— Какие папки? Там провода были, катушки, выключатели. И этот ящик.

— Ящик мог быть частью электрооборудования?

— Мог. Я ребёнком был.

Семён помолчал, затем добавил:

— Только не пишите, что я сказал про архив. Я этого не говорил.

— Не напишем, — ответила Вера.

Уже на лестнице Матвей раздражённо выдохнул:

— Тринадцатый ящик. Запись про архивные ящики. Всё сходится.

— Нет, — сказала Лада. — Один человек помнит ящик, но не его содержимое. В журнале написано во множественном числе, без номера. Это пока две разные вещи.

Матвей прыгнул с нижней ступени и пошёл впереди. Вера не остановила его.

Во дворе Арсений развернул большой лист, прикрыв его от ветра папкой. На схеме были отмечены лестницы, кабельные короба и шахта старого лифта. Между вторым и третьим этажами серую стену пересекала узкая полоса, обозначенная карандашом.

— Вот что меня смущает, — сказал он. — На пожарном плане 2003 года здесь обозначен кабельный канал. А на плане после ремонта его нет. Но стена одинаковой толщины. Ес-

ли за ней была кладовая, канал должен был обходить помещение или проходить по его краю.

— То есть дверь могла вести не в комнату, а в технический проход? — спросила Вера.

— Могла. Но на этих планах переход не обозначен. Это не доказывает, что его не было. Архивные чертежи часто показывают не всё, что построили.

— Тогда что можно проверить?

Арсений показал на стену дома.

— Сначала размеры. Потом материалы. Если пространство за дверью достаточно широкое, простукивание даст другой звук, но само по себе ничего не докажет. Нужен доступ к соседней точке или техническая документация.

— А вскрывать стену?

— Не без согласования с собственниками и управляющей организацией. И не до того, как поймём, что там может быть проводка.

Он говорил спокойно, но Вера заметила, как тщательно он держал схему за края, не позволяя ветру согнуть бумагу. Арсений не обещал быстрого ответа и не прикрывал отсутствие данных уверенностью. Это было куда полезнее, чем любые догадки.

— Я могу поискать обмеры после пожара, — сказала она.

— В муниципальном архиве.

— Я проверю пожарные материалы и ведомости ремонта.

— А я поищу документы по жильцам, — добавила Ла-

да. — Только не выдавайте воспоминания за показания. Если найдём людей, чьи права затронуты, сначала поговорим с ними.

Матвей уже стоял у входа. Он оглянулся, словно собирался уйти, но задержался.

— Я схожу к маме, — сказал он. — Она могла слышать про ящики. Только без допроса. Она тогда не жила здесь постоянно, но помогала после пожара.

— Хорошо, — ответила Вера. — Спроси, согласна ли она рассказать. Не проси вспомнить больше, чем помнит.

Матвей посмотрел на неё настороженно, словно ждал, что следом прозвучит указание, какие именно слова ему нужно принести.

— Сам разберусь.

Он ушёл через двор, не хлопнув дверью подъезда. Для Матвея это уже было уступкой.

Вера снова взглянула на серую стену между окнами. Три версии прошлого не совпадали: кладовая с банками, комната с проводами, ящики, которые кто-то открыл по просьбе администрации. Возможно, речь шла об одном месте, изменившемся за годы. Возможно, люди соединяли отдельные помещения в одно воспоминание, потому что лестница и без того путала направления. Пока ни одна из версий не получала преимущества.

Она записала на чистой странице: «Не объединять без подтверждения».

За стеной дома тихо щёлкнуло, будто сработал остывающий выключатель. Арсений поднял голову. Лада посмотрела на Веру, но та не двинулась с места.

Звук не называл имени и не объяснял, что находилось за дверью. Он только напомнил, что у дома есть полости, которых нет на бумаге, — и что даже самая точная память нуждается в проверке, если от неё зависит чужая жизнь.

На следующий день дождь начался до полудня и не прекращался даже тогда, когда Вера вышла из муниципального архива. Вода стекала по козырьку над входом ровными нитями, и люди у дверей жались к стенам, пережидая ливень. Вера осталась под узким навесом, прижимая к груди папку с копиями.

На найденных обмерах после пожара между лестничной клеткой и наружной стеной значилась «полость для инженерных коммуникаций». Размеры были указаны приблизительно, без привязки к этажам. На одном листе карандашом добавили: «доступ закрыт». Почерк отличался от основного текста, а дата стояла через месяц после пожара.

Это не доказывало, что за дверью была квартира. Но уже не позволяло считать её просто прихотью стены.

Арсений ждал у машины напротив архива. Он держал над папкой складной зонт, который явно был рассчитан на одного человека. Вера оглядела его промокшее плечо.

— Вы могли подойти ближе к входу.

— Тогда пришлось бы оставить папку под дождём.

— А плечо можно высушить.

— Плечо не содержит обмеров.

Вера улыбнулась, но улыбка быстро исчезла, когда она раскрыла папку и показала ему лист.

Он прочитал пометку дважды.

— «Доступ закрыт» — это не указание, что там было, — сказал он. — Но кто-то счёл нужным зафиксировать закрытие.

— И сделал это не сразу.

— Да. Надо выяснить, кто составлял лист. Архивный штамп есть?

Вера показала нижний угол. Печать была выцветшей, зато номер дела читался.

— Лада сможет запросить карточку выдачи, — сказала она. — А я хочу проверить соседние листы. Здесь есть обмеры только второго этажа.

— Может быть, третий не сохранился.

— Может быть. Но я не хочу подставлять недостающий документ под то, что уже видела.

Арсений кивнул. Они убрали копии в пакет и пошли к машине. По дороге Вера рассказала ему о встрече, которую устроила Нина Савельевна: несколько жильцов согласились поговорить о помещениях между лестничными пролётами. Не одновременно. Нина боялась, что при всех люди начнут поправлять друг друга и в итоге никто не вспомнит собственного опыта.

Первой их ждала Тамара Ильинична с третьего этажа. Она открыла не сразу, а когда Вера назвала себя, спросила из-за двери:

— Вы опять про эту комнату?

— Если вам неудобно, мы уйдём.

Замок щёлкнул.

Тамара Ильинична сидела на кухне в тёплом кардигане и держала обеими руками кружку, хотя чай в ней давно остыл. На столе лежали старые фотографии, разложенные веером. Она не пригласила Арсения сесть, пока не убедилась, что Вера не принесла диктофон.

— Я помню, как там стояли банки, — сказала она. — Варенье, огурцы. Мы с мужем жили здесь с девяносто восьмого. После пожара нам разрешили вынести вещи из квартиры, а потом я несколько раз ходила туда за остатками. Не в квартиру, конечно. В эту кладовку.

— Вы помните, где именно? — спросила Вера.

Тамара Ильинична нахмурилась.

— За лестницей, между вторым и третьим. Там ещё труба шла по стене. Дверь была низкая.

— Вы сохранили эти фотографии?

— Вот. Только на них ничего такого не видно. Мы не фотографировали банки.

Вера не стала сразу брать снимки. Она дождалась разрешения хозяйки, затем развернула верхний. На нём семья Тамары Ильиничны стояла у подъезда, рядом со стеной, закоп-

чѐнной по краям окна. В глубине кадра, за плечом мужчины, виднелась узкая полоса оштукатуренной стены и обрезанная фотографией вертикальная линия.

— Можно я сниму копию? — спросила Вера.

— Зачем?

— Чтобы сравнить стену и размеры с обмерами. Снимок останется у вас.

Тамара Ильинична посмотрела на Арсения.

— А если потом скажут, что я самовольно пользовалась помещением?

— Никто не должен делать такой вывод только по фотографии и вашему воспоминанию, — ответил он. — Мы сейчас не устанавливаем, кто имел право хранить там вещи. Мы выясняем, что существовало и когда.

Она помолчала, потом пододвинула снимок ближе к Вере.

— Тогда снимайте. Но имя мужа в архиве не ищите. Он ничего не ломал и не строил.

— Я не стану этого делать без причины, — сказала Вера.

От двери донёсся короткий стук. Тамара Ильинична вздрогнула и заслонила фотографии ладонью. Но это оказалась соседка из квартиры напротив, Зоя Петровна, которую Нина тоже просила зайти. Та вошла, стряхивая дождь с рукавов, и сразу посмотрела на стол.

— Вы уже показывали снимок?

— Показываю то, что помню.

— А я помню другое. Там не было банок.

Тамара Ильинична выпрямилась.

— Ты туда не ходила.

— Ходила. После пожара. Там стоял стол, и на нём были папки. Сверху лежал список квартир. Нина тогда просила ничего не трогать, сказала, что администрация ещё придёт.

Вера не посмотрела на Нину, которой в комнате не было. Она записала слова Зои Петровны отдельно, не соединяя их с рассказом Тамары.

— Вы помните, когда это было?

— Не день. Через несколько недель после пожара. Я приходила за письмами. Почтовый ящик у нас тогда был разбит, и письма складывали куда придётся. Мне дали связку ключей, но там было закрыто.

— Кто дал?

— Нина. Она сказала, что ключ от кладовки ей передали в управлении. Я не знаю, от какой именно двери.

Тамара Ильинична резко поставила кружку на стол.

— Ты сейчас говоришь так, будто там был архив.

— Я говорю, что видела папки.

— А я видела банки.

Вера подняла руку, не призывая их замолчать, а прося дать ей закончить запись.

— Это могут быть разные дни, — сказала она. — Или разные части одного помещения. Пока мы не знаем. Я запишу оба свидетельства и отмечу, что вы не согласны друг с другом.

— А если вы потом выберете то, что удобнее? — спросила Зоя.

Вера встретила её взгляд.

— Тогда вы сможете прочесть запись и потребовать исправления. Я не буду объединять ваши слова в одну версию.

Тамара Ильинична отвела глаза. Зоя, наоборот, придвинула стул.

— У меня есть старый конверт, — сказала она. — Из того списка. Не знаю, зачем сохранила.

Она вытащила из сумки прозрачную папку. Внутри лежал почтовый конверт, пожелтевший по краям. На лицевой стороне было выведено: «З. Петровой. Передано из временно-го хранения». Ниже стоял штамп, почти стёртый, и дата: 18 июня 2004 года.

— Кто вам его передал? — спросила Вера.

— Не помню. Может, Нина. Может, кто-то из администрации. Там внутри была записка, но я её не читала.

— Вы согласны показать её Ладе? Она проверит, имеет ли значение сама запись на конверте, прежде чем делать копию.

Зоя долго смотрела на прозрачную папку.

— Только не забирайте оригинал.

— Не заберём.

Арсений не стал трогать конверт. Он попросил разрешения сфотографировать лицевую сторону, а потом снял и дату крупным планом. Тамара Ильинична молчала, прижав пальцы к краю стола.

Вера смотрела на две даты, одна из которых была на архивном листе, другая — на конверте. Между ними лежали чужие воспоминания, не совпадавшие, но больше не казавшиеся случайными.

— Теперь у нас есть подтверждение, что корреспонденцию передавали из временного хранения, — сказала она. — Но пока неизвестно, где её хранили, кто и на каком основании её туда перенёс.

— И нет подтверждения, что речь об одной двери, — добавил Арсений.

Зоя убрала конверт обратно в папку.

— Найдите сначала, кто его передал. Потом спрашивайте, что там было.

Вера записала и это. На этот раз она не стала обещать, что найдёт ответ. Она сказала лишь, что начнёт с карточки архивного дела и с тех, кто принимал письма после пожара.

Когда они вышли на лестничную площадку, дождь уже стих. На стене напротив окна сохранился бледный прямоугольник, которого Вера прежде не замечала: штукатурка там была светлее, словно когда-то к стене долго прижимали шкаф или ящик.

Арсений провёл взглядом по его краям, не касаясь поверхности.

— Это ещё ничего не доказывает, — сказал он.

— Знаю.

Вера внесла в блокнот новый пункт: «Проверить размеры

прямоугольника. Не связывать с помещением до осмотра».

Внизу хлопнула подъездная дверь, и по шахте лестницы прокатился глухой звук. На этот раз никто не принял его за ответ. Но теперь за дверью между этажами стояла не только неопределённость: у неё появились дата, конверт и два человека, готовых спорить о том, что именно они видели.

Ключ от технического шкафа нашёлся у Нины Савельевны не сразу. Она вынула из связки два похожих, примерила один к замку под лестницей, другой — к двери в подвале, а потом задержала пальцы на маленьком латунном ключе с синей ниткой.

— Этот не помню, — сказала она. — Но нитку завязывала я. Значит, помню, просто не хочу пока говорить.

Лада подняла бровь.

— Это уже точнее, чем «не знаю».

Нина не ответила. Она вставила ключ в замок, повернула. Внутри щёлкнуло, но дверь не поддалась.

Арсений придержал её за край.

— Тяните на себя. Петли, похоже, с другой стороны.

Из-за двери пахло сухой пылью и холодным металлом. За ней обнаружился узкий шкафчик, в котором помещались старый щиток, бухта кабеля и жестяная коробка с надписью «Планы». Коробка стояла на нижней полке, поверх комка минеральной ваты. Вера не стала к ней тянуться.

— Сначала снимем, как лежит, — сказала она. — И спросим Нину Савельевну, согласна ли она на осмотр.

— Согласна, — быстро отозвалась Нина. Потом добавила: — Но коробку я не открывала. По крайней мере, не помню.

Лада достала телефон и сделала несколько снимков. Арсений подсветил полку, не касаясь вещей. На коробке виднелась тонкая полоска бумаги, зажатая крышкой. Вера прочитала только то, что было открыто взгляду: «Корпус Б. Состояние после разборки». Под надписью проступала дата — 2005 год.

— Разборки чего? — спросил Матвей, стоявший в дверях. Он пришёл с нижнего этажа, услышав голоса, и теперь смотрел не на коробку, а на стену за ней.

— Не знаем, — сказала Вера.

— Тогда не надо делать вид, будто нашли разгадку.

В его голосе было раздражение, но не насмешка. Он приклонился плечом к косяку, стараясь не заслонять проход. Вера заметила под ногтями тёмную пыль: Матвей, вероятно, чинил что-то в подвале.

— Мы и не делаем, — ответил Арсений. — Но в коробке могут быть схемы, которые помогут установить, что именно здесь разбирали.

Нина медленно сложила руки на груди.

— В старом корпусе после пожара многое вскрывали. Кабельные каналы, перегородки. Я тогда занималась жильцами, не бумагами.

— А кто занимался бумагами? — спросила Лада.

— Не знаю. Архивисты. Люди из администрации. Пожар-

ные. Все приходили со своими папками.

— И вы не помните, кто оставил эту коробку?

Нина посмотрела на связку ключей у себя в ладони.

— Помню, что мне сказали: не выбрасывать. Этого достаточно?

— Для того чтобы сохранить коробку — да, — сказала Вера. — Для того чтобы установить её происхождение — нет.

Нина опустила глаза. Вера видела, как та снова выбирает между привычной осторожностью и правдой, которую уже нельзя было полностью отложить.

— Это был Пётр, — произнесла она наконец. — Сын Саввы Громова, того, что работал электриком. Он принёс коробку и попросил оставить до тех пор, пока не заберёт. Я не спросила, откуда она. Потом он уехал.

Арсений не изменился в лице, но Лада сразу подняла ладонь.

— Мы не делаем выводов о его причастности. Пока это только сведения о передаче коробки.

— Я понимаю, — сказала Нина, и впервые в её голосе не было обиды. — Потому и говорю сейчас, пока ещё могу отделить то, что помню, от того, что придумала себе за эти годы.

Вера записала имя и слова Нины отдельно, указав, что это её устное свидетельство. Потом попросила разрешения проверить коробку вместе со всеми. Нина кивнула.

Арсений приподнял крышку. Внутри лежали свёрнутые

кальки, несколько листов плотной бумаги и обгоревший уголок папки. Никаких личных писем, ничего, что требовало бы немедленно отложить. На верхнем плане был изображён второй этаж корпуса, но линии обрывались у северной стены. Рядом карандашом добавили прямоугольник без номера помещения.

Вера придвинулась, не касаясь листа.

— Размеры?

Арсений сверился с масштабной линейкой на плане.

— Примерно метр восемьдесят на два сорок. Это может быть ниша, технический карман или часть перехода. Нужны остальные листы.

— А дверной проём? — спросила Лада.

— Здесь не обозначен.

Матвей наклонился ближе, потом указал на край кальки.

— Вот это не часть стены. Похоже на линию, которую стёрли. Видите следы ластика?

Вера посмотрела. Под прямоугольником действительно проступал серый штрих, уходящий к лестничной клетке. Он мог быть старой линией, мог — случайной царапиной. Она не стала называть его проходом.

Арсений расправил соседний лист грузиками из инструментального набора. На нём была схема после ремонта 2005 года. Та же стена выглядела ровной, без прямоугольника. Но подпись внизу сохранилась: «участок вне экспликации, замеры ориентировочные».

— Это не утверждение, что там была квартира, — сказал Арсений. — Но кто-то измерял участок и решил не включать его в экспликацию.

— Или не смог включить, — поправила Вера. — Мы не знаем, почему.

Матвей тихо присвистнул.

— Значит, за стеной может быть пустота.

— Может быть технический канал, — сказала Лада. — И прежде чем кто-нибудь туда полезет, нужно понять, не повредит ли это общему имуществу и не создаст ли риск.

— Я ничего вскрывать не собирался, — отозвался Матвей.

— Хорошо. Тогда ты поможешь снять размеры стены снаружи, не трогая отделку.

Он посмотрел на сестру так, будто ждал от неё обычного распоряжения, а получил просьбу. Вера ощутила неловкость: она уже собиралась сказать «сделай», но успела остановиться.

— Если у тебя есть время, — добавила она. — И если ты сам считаешь, что это разумно.

Матвей помолчал.

— Есть. Только замеры потом сверим с планом, а не будем подгонять план под них.

— Договорились.

Они перенесли кальки на стол в комнате Нины. Лада отметила в протоколе, кто присутствовал при осмотре и в ка-

ком состоянии находилась коробка. Нина подписала запись о том, что согласна на временное изучение планов, но оригиналы остаются в доме.

Пока Арсений фотографировал листы, Вера разглядывала два изображения одной стены. На одном — прямоугольник, не имеющий номера. На другом — гладкая линия, будто никакого пространства за ней не было. Между датами прошло несколько месяцев, и за эти месяцы кто-то решил, что участок лучше не показывать.

Не доказательство преступления. Не подтверждение существования квартиры. Но теперь у разрозненных воспоминаний появился материальный предмет, который можно было проверить.

Нина убрала ключ обратно в связку.

— Я скажу всё, что вспомню, — произнесла она. — Даже если окажется, что вспомнила неправильно.

Вера закрыла блокнот.

— Тогда мы запишем и это. Отдельно от того, что подтвердится документами.

На лестнице снова отозвалась старая шахта лифта — протяжно, с металлическим дрожанием. Матвей поднял голову, Нина вздрогнула, но никто не пошёл проверять звук. Арсений закончил фотографировать последний лист, и на экране его телефона проступила подпись, почти стёртая временем: «Схема прохода. До закрытия стены».

Вера наклонилась к снимку.

Слова были различимы, но их дата — нет.

— «До закрытия стены», — повторила Лада. — Это уже не просто замер. Кто-то зафиксировал проход.

— Или так называл участок на схеме, — сказала Вера. — Пока мы не увидим сам лист целиком, подпись ничего не объясняет.

Арсений увеличил фотографию. Под словами проступала тонкая черта, похожая на стрелку, но край снимка обрывал её у самого сгиба.

— Оригинал нужно развернуть, — сказал он. — Только не сейчас. Бумага пересохла, если тянуть за угол — надорвём.

Нина Савельевна сняла очки и медленно протёрла стёкла краем платка.

— Я помню, что там была дверь.

Все посмотрели на неё. До этой минуты она говорила о ключах и журналах, осторожно отделяя увиденное от того, что могла перепутать. Теперь в её голосе появилась уверенность — и вместе с ней тревога.

— Когда именно? — спросила Лада.

— Не знаю. До пожара или после. Я тогда ещё не была домоуправом. Приходила к тётке, она жила во втором подъезде. Помню узкую дверь на площадке, между этажами. За ней что-то вроде кладовой. Тётка держала там банки с краской и старую стремянку.

— Между вторым и третьим? — уточнила Вера.

Нина нахмурилась.

— Мне казалось, между первым и вторым. Но лестница там такая, что не поручусь.

Лада записала её слова и рядом поставила дату беседы.

— Вы помните дверь или слышали о ней от тётки?

— Видела. Точно видела. А вот про кладовую могла услышать от неё. Тётка любила приписывать себе все полезные закутки в доме.

Нина слабо улыбнулась, но тут же снова стала серьёзной.

— После пожара я там уже ничего не видела.

Арсений не стал задавать следующий вопрос сразу. Он посмотрел на кальку, потом на стену комнаты, за которой, по их предположению, мог находиться закрытый проход.

— У кого ещё есть воспоминания? — спросил он. — Лучше отдельно. Не будем подсказывать друг другу детали.

— Я поговорю с жильцами, — сказала Вера. — Не о двери. Пусть сначала опишут, как помнят площадку.

Матвей, до этого молча сверявший ширину простенка рулеткой, убрал её в чехол.

— Я могу пройти по квартирам. Меня здесь знают.

Вера уже открыла рот, чтобы согласиться, но остановилась.

— Если тебе самому удобно. Только не пересказывай им то, что мы нашли.

— Я понял. Спрошу, что они помнят, и запишу их слова. Без вариантов ответа.

Лада посмотрела на него с одобрением.

— И не называй это допросом. Люди не обязаны нам помогать.

— Вот это я и скажу.

Они разделились. Матвей поднялся в квартиры над лестничной площадкой, Вера с Ладой пошли в первый подъезд. Арсений остался с документами: ему нужно было проверить, какие планы могли существовать до ремонта и кто имел право вносить изменения. Нина не ушла. Она попросила оставить ей копию фотографии, чтобы рассмотреть её дома, но Лада предложила пока увеличить изображение на телефоне. Оригиналы не покидали комнаты.

Первым согласился поговорить Пётр Ильич с пятого этажа. Он встретил их в дверях, не снимая вязаного жилета, и выслушал вопрос, скрестив руки на груди.

— Там была ниша, — сказал он. — Никакой двери. Глубокая такая, сюда можно было поставить обувь или ведро.

— Вы помните, когда впервые её увидели? — спросила Вера.

— В девяносто восьмом переехал. Значит, тогда. Хотя нет, в девяносто девятом. До этого жил у дочери.

— А что было внутри?

— Ничего. Пусто. И пыль. Один раз я там лампочку менял, проводка шла сверху.

Лада записала ответ, не задавая наводящих вопросов.

— Вы уверены, что речь о площадке между вторым и третьим этажами?

Пётр Ильич раздражённо махнул рукой.

— Какая разница? Там же лестница одна и та же.

Но разница была. На площадке над ним стена изгибалась иначе, и ниша могла оказаться в другом месте. Вера поблагодарила его и не стала спорить.

Следующая соседка, Валентина Орлова, открыла дверь не сразу. За её спиной негромко бормотало радио. Она выслушала вопрос и сразу сказала:

— Да, была дверца. У нас мальчишки прятались за ней. На спор залезали.

— Вы сами видели, что было за дверцей? — спросила Лада.

— Нет, я туда не лезла. Там хлам стоял, наверное.

— А когда это происходило?

Валентина задумалась.

— Сын был маленький. Ему сейчас сорок два. Значит, в девяностых. Хотя он уже здесь не жил после десяти лет... Странно. Может, это соседские дети.

— Вы помните цвет двери?

— Серый. Или коричневый. У нас всё тогда было коричневое.

Она не смутилась своей неуверенности, но, когда Лада предложила подписать запись, попросила не указывать фамилию.

— Я не хочу, чтобы потом решили, будто я что-то там видела. Я ничего не видела.

— Так и напишем, — сказала Лада. — Вы сообщаете о воспоминании, но не подтверждаете, что заглядывали внутрь.

Валентина внимательно посмотрела на неё и согласилась.

У выхода из первого подъезда Вера задержалась у стены, отмеченной на плане. Если верить Петру Ильичу, там была открытая ниша. По словам Валентины — дверца, за которой дети прятались, хотя сама она внутрь не заглядывала. Нина помнила дверь и кладовую, но путалась в этаже и в том, откуда знала назначение пространства.

Три версии. Ни одна пока не отменяла другую. Возможно, люди говорили о разных местах. Возможно, за десятилетия лестница в памяти сдвинулась, как мебель в квартире после ремонта.

Телефон Веры коротко завибрировал. Сообщение от Матвея: «На верхних этажах двое помнят шкаф для уборочного инвентаря. Один говорит, что ключ висел у консьержки. Подробности лучше запишу сам».

Вера перечитала сообщение. Он не прислал ей вывод, не попросил решить за него, кому верить. Просто передал, что услышал, и оставил себе право закончить разговор.

Она убрала телефон и посмотрела на Ладу.

— Нужно свести воспоминания на одну схему. Отдельно — место, отдельно — время, отдельно — то, что человек видел сам.

— И отдельно — как он узнал назначение, — добавила

Лада. — Иначе «кладовая» незаметно превратится в установленный факт.

Когда они вернулись к Нине, Арсений уже разложил на столе три плана. На одном участок между этажами был обозначен как прямоугольная ниша. На другом проход заканчивался у толстой стены. На третьем, самом позднем, это место исчезало совсем.

— Я нашёл расхождение, — сказал он. — После ремонта 2005 года изменили нумерацию нескольких помещений. Не перепланировку, только подписи. Но если сравнивать планы по номерам, кажется, будто проём переместили на этаж выше.

Вера положила рядом лист с записями жильцов.

— А если сравнивать по расположению относительно лестничного марша, они могли говорить об одном месте.

Арсений наклонился над схемами.

— Могли. Но один план не объясняет, почему сначала там проход, потом ниша, а потом пустая стена.

Нина подалась вперёд.

— Значит, дверь всё-таки была?

— Значит, на одном плане обозначен проход, — ответил Арсений. — Это факт. Что находилось за ним и когда его закрыли — пока нет.

Вера увидела, как Нина снова сжала связку ключей. Но теперь та не прятала её в карман. Она смотрела на подпись под схемой, будто пыталась вспомнить не дверь, а собствен-

ную жизнь рядом с ней.

— Я могла знать, — тихо сказала Нина. — И не заметить, что знала.

— Такое бывает, — ответила Вера. — Но мы не станем заполнять пробелы за вас.

Арсений перевернул лист под лампой, не касаясь чернил.

— Подпись продолжается на обороте. Здесь край загнут. Когда бумага отлежится, посмотрим, что там.

— А пока у нас есть разные воспоминания и один план с проходом, — сказала Лада. — Ничего больше.

Снаружи по лестнице прошли быстрые шаги. Матвей заглянул в комнату с блокнотом в руке и остановился у порога.

— Я записал дословно. У двух жильцов совпадает не назначение места, а деталь: они оба помнят маленький крюк рядом с дверью.

Нина подняла голову.

— Крюк был, — сказала она. — На нём висел ключ. Большой, с деревянной головкой.

Все замолчали. Воспоминание Нины впервые совпало не с чьей-то версией о кладовой или нише, а с конкретной деталью, названной независимо двумя жильцами. Вера вписала её в отдельную строку, не соединяя с прежними записями. Теперь вопрос был уже не только в том, что скрывала стена. Нужно было понять, кому и зачем давали ключ от прохода, которого не было ни в одном позднем плане.

Глава 3. Письмо строительного мастера

Нина вернулась не с журналом, а с плоской коробкой из-под чая.

— Он лежит внизу, — сказала она, заметив взгляд Лады. — Но сначала хочу показать это. Нашла сегодня утром, когда искала старые квитанции. Не знаю, почему не вспомнила раньше.

Она поставила коробку на стол, но крышку не сняла. Вера не торопила. За окном двор дома номер семь расплывался в мелком дожде; по стеклу медленно сползала капля, оставляя чистую дорожку среди пыли.

— Где именно она хранилась? — спросила Лада.

— В шкафу с бумагами. Между папкой на отопление и актами по крыше. Коробка моя, а письмо, видимо, положили туда до меня. — Нина провела пальцем по выцветшей надписи «Чай цейлонский». — Я её не открывала лет десять. Может, больше.

Арсений остался у двери, чтобы не теснить Нину. Матвей сел на табурет у стены, положив блокнот на колено. Вера придвинула настольную лампу. Она уже научилась замечать, как менялось лицо Нины, когда та приближалась к признанию: не смягчалось, а словно теряло опору.

— Если это касается жильцов, мы не будем фотографировать всё подряд, — сказала Лада. — Сначала поймём, что перед нами. Потом решим, что можно зафиксировать и кому это может навредить.

— Я знаю, — ответила Нина. — Потому и принесла вам.

Из коробки она достала конверт без марки. Бумага пожелтела по сгибам, на клапане проступило бурое пятно. На лицевой стороне выцветшими чернилами было написано: «Нине Савельевне. По дому. Не терять». Почерк оказался незнакомым Вере, но Нина задержала на нём взгляд.

— Это Савин писал, — сказала она. — Мастер, который работал здесь в девяносто третьем. Я не сразу узнала.

— Полностью? — спросила Вера.

— Фамилия была Савин. Имя — Николай Петрович, кажется. Он тогда руководил бригадой.

Нина не стала вскрывать конверт. Лада надела тонкие перчатки и предложила поддеть край пластиковой лопаткой, но клапан раскрылся без усилия. Внутри лежал один лист, сложенный вчетверо. Вера установила лампу так, чтобы свет падал сбоку, и подождала, пока Арсений достанет телефон для снимка.

— Только документ, — напомнила Лада. — Без личных вещей и без общего плана комнаты.

Арсений кивнул. Сначала он снял лицевую сторону, затем оборот. Нина не отходила от стола.

Письмо было датировано августом 1993 года. Бумага в клетку, оторванная от блокнота; на верхнем поле сохранился отпечаток от скрепки. Чернила местами расплылись, но текст читался.

«После разборки старой перегородки обнаружили полость между лестничной стеной и архивным корпусом. Про-

шу не зашивать до проверки. Карман не является жилым помещением: в нём нет окон и нормальной вентиляции, ширины для комнаты недостаточно. По старой схеме там предусмотрен проход к наружному эвакуационному выходу. Дверь со стороны лестничной клетки следует оставить закрываемой снаружи на замок, но изнутри — без ключа».

Вера перечитала последние слова.

— Наружный выход куда? — спросила она.

Арсений наклонился над листом, не касаясь его.

— Дальше есть приписка.

Ниже основного текста, уже другим нажимом, шло: «Проверить проём у северной стены. Выходить во двор нельзя: после перестройки там пристроена кладовая. Возможно, использовать служебную галерею к старому угольному двору. Требуется согласование с пожарной охраной».

Лада выпрямилась.

— То есть письмо не подтверждает, что выход действительно существовал в готовом виде.

— Подтверждает, что мастер обнаружил карман и нашёл на старой схеме обозначение прохода, — сказал Арсений. — Но не то, что согласование получили или выход оставили открытым.

Вера записала формулировку именно так. Письмо не было ответом на все вопросы. Оно было первым свидетельством, написанным до того, как за дверью выросла легенда о квартире.

— Здесь ещё есть, — сказала Нина.

Она указала на нижний край листа. Там, почти у самого сгиба, проступали две строки, написанные карандашом:

«Схему забрали в жилищный отдел. Ключ от внутренней створки передал дежурной. Если карман закроют, в журнал внести отдельно».

Вера подняла глаза.

— Какой журнал?

Нина помолчала, и эта пауза прозвучала громче признания.

— Не знаю. Не тот, что у меня сейчас. В девяносто третьем записи вела прежняя домоуправ, Мария Фёдоровна. Когда я приняла дела, часть старых книг уже была в архиве, часть осталась в подвале. А часть, как выяснилось, не числилась вообще.

— Вы помните, что ключ существовал? — спросила Лада.

— Помню кольцо с большим деревянным ключом. Но не могу сказать, тот ли это был ключ. И не хочу угадывать.

— Хорошо, — сказала Вера. — Пока у нас есть письмо и ваши воспоминания. Они не одно и то же.

Нина кивнула. На этот раз не с облегчением, а с благодарностью за границу, которую Вера провела вслух.

Арсений попросил разрешения осмотреть лист на просвет. Он не стал поднимать его, только повернул лампу и наклонился. Между строками выявилась вдавленная запись, почти невидимая при обычном свете. Несколько слов: «акт

приёмки — не подписан». Дальше бумага была смята.

— Это может быть след от листа сверху, — сказал он. — Пока нельзя утверждать, что написано тем же человеком. Но важно, что приёмка могла не состояться.

— Если не состоялась, почему стену зашили? — спросил Матвей.

— Это уже следующий вопрос, — ответила Лада. — Не вывод.

Матвей закрыл блокнот. Вера заметила, что он хотел возразить, но удержался.

Нина осторожно убрала руки со стола.

— В журнале я могу найти запись про электрика. И, возможно, старые ключи. Но если он был сыном жильца, я не хочу, чтобы его имя сейчас пошло по дому.

— Оно не пойдёт, — сказала Лада. — Но если запись станет частью доказательств, мы не можем обещать, что её никогда не увидят. Человеку придётся дать возможность объяснить свои действия.

Нина опустила взгляд на коробку.

— Я понимаю.

Вера не стала утешать её обещаниями, которых не могла дать. Она попросила разрешение снять письмо целиком и отдельно — приписку и вдавленные слова. Нина согласилась. Лада внесла в свой блокнот, откуда документ появился и кто его видел; Арсений вслух продиктовал номер файла, чтобы запись не потерялась в телефоне. Всё это заняло несколько

минут, но после них письмо уже не было тайной, которую можно спрятать обратно между квитанциями.

Когда они закончили, Нина достала из коробки ещё и старую бумажную закладку. На ней карандашом были отмечены номер папки и слова «перестройка лестничной клетки». Закладка могла быть вложена в письмо, а могла оказаться там случайно; Вера не позволила себе решить за документ.

— В архиве городской управы есть планы по этому адресу, — сказала она. — Я проверю описи и запросы по ремонту. Если схема туда поступила, должен остаться след: регистрационный номер, отметка о выдаче или акт.

— А я проверю, что именно означает этот «эвакуационный выход» по нормам того времени, — сказал Арсений. — И можно ли было вести его через служебную галерею.

Лада закрыла папку.

— А я выясню, кто сейчас владеет пристройкой во дворе и оформлялась ли она законно. Без разговоров с жильцами и без обвинений, пока не будет основания.

Вера посмотрела на письмо ещё раз. «Если карман закроют, в журнал внести отдельно». Слова были написаны почти тридцать лет назад, а дом всё ещё хранил дверь под слоем краски и молчания. Но теперь у этого молчания появились дата, автор и конкретный предмет проверки.

— Тогда журнал посмотрим вместе, — сказала она Нине. — Не сегодня, если вам нужно время.

— Сегодня, — ответила Нина. — Я слишком долго откла-

дывала.

Она взяла коробку обеими руками и поднялась. На пороге задержалась, будто хотела добавить что-то личное, но передумала. Потом кивнула Ладе, Вере и Арсению и вышла в коридор.

Матвей поднялся следом.

— Я с ней, — сказал он сестре. — Не вместо тебя. Просто с ней.

Вера хотела спросить, уверен ли он, но услышала в его словах ровно то, чего сама училась не отнимать у других: право выбрать помощь и право принять её.

— Хорошо, — сказала она.

Матвей догнал Нину на лестнице. Вера осталась у стола, рядом с письмом, которое уже нельзя было принять за слух. В нём не было ни признания, ни готового ответа. Зато была точка, откуда следовало продолжать: незарегистрированный аварийный карман, эвакуационный проход и схема, исчезнувшая между строительной бригадой и жилищным отделом.

Вера не сразу убрала телефон. На экране оставался снимок письма: тонкая бумага, продавленная карандашом, и слова, которые теперь казались не пояснением, а распоряжением. «Если карман закроют, в журнал внести отдельно».

Она увеличила строку, проверила, не слиплись ли буквы в тени от сгиба, и сохранила копию в отдельную папку. Потом записала время съёмки и фамилию Нины Савельев-

ны как хранительницы документа. Порядок казался избыточным лишь до тех пор, пока кто-нибудь не начинал уверять, что бумаги никогда не существовало.

— В управу сегодня уже не попасть, — сказала Лада. — Архив работает до пяти.

Вера посмотрела на часы. До пяти оставалось меньше сорока минут.

— Если успеем, хотя бы подадим запрос и проверим опись на месте.

— Опись по ремонтам за девяносто третий может быть не в читальном зале, — заметил Арсений. — И оригинал письма лучше не таскать.

— Его и не повезём. Только снимки, а запрос можно подать по адресу и примерной дате.

Лада не спорила. Она только застегнула папку и сунула блокнот во внутренний карман пальто.

— Я поеду с вами. Раз уж речь о пристройке, мне полезно увидеть, как они описывают объект в муниципальных документах.

Матвей с Ниной уже поднялись этажом выше. Вера слышала, как закрылась дверь квартиры, и не стала их окликать. Нина сказала, что хочет показать журнал сегодня. Значит, у неё будет время прийти в себя и самой решить, как именно это сделать.

В архив они добрались за двадцать минут. В помещении пахло пылью, мокрой шерстью и чем-то горьким, похожим

на старый чай. Вера бывала здесь не раз: сначала из-за документов на дом, потом из-за записей о прежних жильцах. Она знала, где скрипит половица у окна и какой сотрудник просит не класть папки на край стола. Но сегодня привычная тишина казалась напряжённой. На стене в коридоре висел план эвакуации, выцветший по сгибам; на нём посетителям предлагалось выходить через дверь, которой давно не было.

Сотрудница за стойкой просмотрела их заявление, затем задержала взгляд на приложенных снимках.

— Вам нужна проектная документация по ремонту лестничной клетки?

— Если сохранилась, — ответила Вера. — Или регистрационная запись о передаче схемы в жилищный отдел.

— Адрес?

— Дворечная, семь. Работы предположительно в тысяча девятьсот девяносто третьем.

Женщина ушла за ширму. Лада наклонилась к Вере.

— Не говори «эвакуационный выход», пока они не найдут запись. Пусть сначала назовут документы своими словами.

— Я помню.

Арсений тем временем изучал табличку с правилами выдачи. На двери архива висел второй лист, новый, с указанием телефонов для экстренной связи. Он провёл ногтем по краю бумаги, не касаясь стены.

— Здесь обновляли после пожара?

— Нет, это сделали в прошлом году, — сказала Вера. —

После проверки.

Он коротко кивнул. В его лице ничего не изменилось, но она заметила, как он задержал взгляд на маленьком прямоугольнике старой краски под табличкой. Будто и здесь искал след того, что сняли, перенесли или закрыли.

Сотрудница вернулась с журналом регистрации. На стол легла толстая книга в серой тканевой обложке. Женщина сама раскрыла её на нужном разделе и придержала страницы ладонью, пока Вера фотографировала запись.

— Вот. «Дворечная, 7. Работы по переустройству лестничной площадки. Схема кармана. На согласование». Дата — двадцать первое сентября девяносто третьего.

— А результат рассмотрения? — спросила Лада.

— Должно быть в карточке дела. Сейчас проверю.

Вера увеличила фотографию. Запись занимала две строки. Ни фамилии мастера, ни номера чертежа. Только входящий штамп и короткое примечание, сделанное другим почерком: «На доработку».

— Схему вернули? — спросила она.

Сотрудница прищурилась, рассматривая строку.

— Не могу сказать. Здесь отметки о возврате нет.

— Тогда нам нужно дело целиком, — сказала Лада. — И карточка передачи.

— Если они сохранились.

Женщина ушла снова. На этот раз ожидание затянулось. Арсений сел, положив руки на колени. Вера осталась стоять

у стола. Ей хотелось позвонить Нине, но она остановилась: та уже обещала открыть журнал, а звонок сейчас мог прозвучать как требование поторопиться.

Когда сотрудница вернулась, она принесла тонкую папку с потемневшими завязками. На обложке стоял тот же адрес и номер дела. Лист выдачи сообщал, что папка поступила в архив из жилищного отдела в 2006 году, через два года после пожара.

— Передали после разбора помещений, — пояснила сотрудница. — Здесь опись вложений.

Вера прочла её дважды. Заявление мастера. Акт осмотра. Смета. Схема лестничной клетки — один лист. Приложение к акту — два листа. Ниже шла отметка о проверке комплектности, поставленная при поступлении.

— Схема в папке? — спросил Арсений.

— По описи должна быть.

Сотрудница развязала тесёмки и достала документы в перчатках. Первые три листа лежали на месте. Четвёртый был сложен вчетверо и подпирали сгибом соседнюю страницу. Вера видела его край, но не стала тянуть.

— Можно разворачивать? — спросила Лада.

— Я сама, — ответила сотрудница. — У него надрыв.

Она подложила под бумагу тонкий лист и осторожно расправила сгиб. На поверхности проступили линии, выведенные синей тушью: лестничный пролёт, отметки стен, дверь, открывающаяся в сторону двора. Рядом стояла подпись ма-

стера и дата. В нижнем углу был вписан прямоугольник с обозначением «карман 1,2 × 2,4». От него шла стрелка к узкому проходу за лестничной стеной.

Вера подалась ближе, не переступая обозначенную границу стола.

— Это не план квартиры, — сказала она.

— Нет, — ответил Арсений. — Здесь показана техническая полость и выход наружу. Но по одной схеме нельзя установить, что именно построили. Только что проектировали.

Лада уже записывала номер листа.

— И что бумага действительно была в деле в 2006 году. Это важно.

На обороте схемы обнаружилась отметка: «Доработать ширину прохода, указать материал двери». Ни подписи о повторной подаче, ни разрешения на работы.

— Значит, проект не согласовали, — сказала сотрудница.

— Значит, в деле нет согласования, — поправила Вера.

Арсений посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло одобрение. Не похвала — скорее признание, что она удержала границу, за которой предположение начинало выдавать себя за факт.

В папке обнаружился ещё один лист, которого не было в описи. Узкая полоска бумаги, сложенная вдвое, с неразборчивой копией служебной записки. Вера различила дату: октябрь 1993 года. Ниже — слова «карман оставить до повторного осмотра». Дальше текст расплывался, будто лист

когда-то намок.

— Этот документ не числится в описи, — сказала Лада. Сотрудница нахмурилась.

— Он мог быть вложен позднее. Мы должны зафиксировать состояние папки и сообщить заведующей.

— Конечно, — ответила Лада. — Мы не просим его выдать. Только хотим, чтобы его не потеряли и не приняли за часть схемы.

Сотрудница посмотрела на них уже внимательнее, потом позвала коллегу и продиктовала номер дела. Пока та записывала, Арсений снимал не документ, а общий вид папки и расположение листов. Вера попросила, чтобы в акте отметили: дополнительная записка обнаружена при сегодняшнем просмотре, происхождение не установлено. Сотрудница согласилась.

Когда они вышли на улицу, сумерки успели сгуститься. Вера остановилась у двери архива и открыла снимок схемы. На бумаге проход был чётким. В реальном доме он мог быть заложен, разобран или вообще остаться только на чертеже.

— Мы знаем, что его планировали, — сказала она. — И знаем, что в деле нет разрешения на строительство. Но не знаем, построили ли его.

— А записка говорит, что карман оставляли до осмотра, — напомнил Арсений. — Не что его закрыли.

Лада достала телефон.

— Я проверю, когда пристройка во дворе появилась в до-

кументах и кто указан заказчиком. Теперь у нас есть дата и номер дела, можно запросить материалы не наугад.

Вера посмотрела на фотографию ещё раз. Внизу схемы возле двери стоял маленький карандашный крест. Такие отметки могли означать всё что угодно — от места замера до ошибки чертёжника.

Она не стала увеличивать изображение. Некоторые ответы начинались с того, что человек соглашался пока не знать их.

Вера убрала телефон, прежде чем Лада успела спросить, что она там увидела. Ничего нового: тот же крест, тот же тонкий контур прохода, тот же участок стены, который на схеме выглядел прямым, а в доме почему-то уходил под углом.

— Ты решила не увеличивать? — спросил Арсений.

— Решила не превращать карандашную отметку в ответ.

— Здоровое решение, — сказала Лада, но уже набирала номер. — Если пристройка появилась после девяносто третьего, в разрешительном деле должны быть хотя бы даты и заявитель. Если дело сохранилось.

Она отошла к краю крыльца, чтобы говорить тише. Арсений остался рядом с Верой. Поток машин на Дворечной шуршал по мокрому асфальту; дождя не было, только воздух пропитался сыростью, будто весь город вымок изнутри.

— Ты заметила что-то ещё? — спросил он.

Вера покачала головой.

— Я заметила, что мне хочется. Это разные вещи.

Арсений посмотрел на неё без улыбки.

— Хорошо, что ты это понимаешь.

Простая фраза задела сильнее, чем могла бы похвала. Вера спрятала телефон во внутренний карман пальто и отвернулась к окну архива. За стеклом сотрудница уже закрывала папку, бережно подводя под неё лист чистой бумаги.

— Дело не исчезнет за ночь, — сказала Вера, скорее себе, чем Арсению.

— Теперь — вряд ли. Лада добилаcь отметки в журнале. А пока там есть акт, всякое перемещение будет видно.

Он говорил спокойно, будто перечислял детали пожара: где был источник, куда пошёл дым, что уцелело. Вера вспомнила, как он накануне остановил её у лестничного пролёта, когда она хотела сама проверить стену. Тогда ей показалось, что он мешает. Теперь она видела, что он удержал их от действия, которое могло испортить и штукатурку, и доказательства.

Лада закончила разговор и вернулась.

— В городском архиве сохранилась опись разрешительных дел по дворовым пристройкам. Самих папок в базе нет, но есть номер заявки на работы во дворе в девяносто четвёртом. Заявитель — жилищный отдел. Завтра попробую запросить дело и выяснить, кто его передал на хранение.

— А сегодня? — спросила Вера.

Лада посмотрела на часы.

— Сегодня мы возвращаемся в дом. Нина ждёт, и журнал

сам себя не сфотографирует.

Они пошли к остановке. На перекрёстке Арсений предложил вызвать машину, но Лада отказалась: ей нужно было зайти в контору за сканером, а Вера хотела пройти пешком. Он не стал настаивать и не спросил, почему. Эта сдержанность была почти незаметной, но Вера поймала себя на том, что перестала ждать от него скрытого возражения.

У дома номер семь Матвей стоял у бокового входа, под козырьком. В руках у него была длинная металлическая рейка и блокнот. На рукаве — след белой пыли.

— Ты что здесь делаешь? — спросила Вера.

— Мерил двор. Ты сказала, что Лада проверит пристройку. Я подумал, стоит зафиксировать, что можно увидеть снаружи, пока никто не начал ничего разбирать.

— Ничего разбирать не собирались.

— Я знаю. Поэтому и измерил только фасад.

Он протянул блокнот, но Вера не взяла его сразу.

— Зачем ты полез к стене?

Матвей сжал рейку.

— Не полез. С улицы. Вот размеры окон, простенков и дверного проёма. На старых фотографиях пристройка уже есть в девяносто восьмом. Я нашёл снимок в районной газете. Там двор после ремонта, подпись мелкая, но год указан.

— Ты откуда взял фотографию?

— Из читального зала библиотеки. Не из интернета. Я не идиот.

— Я этого не говорила.

— Но подумала.

Вера хотела возразить, однако Матвей отвёл взгляд первым. Его раздражение было знакомым: он защищался не от обвинения, а от привычного ожидания, что снова окажется человеком, который сделал что-то не так.

— Покажи, — сказала она.

Он раскрыл блокнот. Записи были аккуратными: ширина проёма, высота подоконника, расстояние между углами пристройки. Внизу лежала распечатанная копия газетной фотографии. Здание было снято издали, но на стене двора отчётливо виднелась узкая дверь. Её контур совпадал с тем местом, где на схеме 1993 года обозначался выход.

Вера наклонилась ближе.

— Снимок датирован?

— В газете — июнь девяносто восьмого. Подпись: «Завершён ремонт дворового крыла муниципального жилого дома». Адреса нет, но номер дома виден на табличке у ворот. Семёрка.

Лада взяла распечатку, не касаясь пальцами изображения.

— Это не доказывает, что дверь вела в проход, — сказала она. — Но доказывает, что проём существовал не позднее девяносто восьмого.

Арсений приблизился к фотографии.

— И что его потом заложили или закрыли. На поздних снимках дверь есть?

— Я сравнивал, — ответил Матвей. — В альбоме Нины есть фотография двора после пожара. Там на этом месте уже сплошная стена.

Слово «пожар» прозвучало негромко, но Вера почувствовала, как разговор переместился в другое время. Не к тайной квартире и не к призракам дома — к людям, которые в 2004 году должны были выйти наружу по коридорам, существовавшим на чертежах или в реальности. Она посмотрела на брата.

— Ты видел альбом Нины?

— Она сама показала. Я попросил, когда чинил у неё полку. Тогда ещё не знал про письмо.

Матвей не оправдывался. Просто назвал причину, и Вера не стала искать в ней скрытый смысл.

— Хорошо, что ты записал размеры, — сказала она.

Он будто не сразу понял, что услышал. Потом кивнул и закрыл блокнот.

— Только размеры. К стене не прикасался.

— Я верю.

Тишина между ними продержалась несколько секунд. Арсений отвёл глаза, давая им пространство, а Лада уже делала снимок копии для своих записей.

Вера подняла взгляд на тёмные окна дома. На схеме 1993 года существовал проект. Газетная фотография подтверждала, что дверь действительно построили. Поздний снимок показывал, что её закрыли после. Между этими снимками ле-

жало несколько лет, в которых пока не было ни подписей, ни объяснений.

— Значит, у нас впервые есть не только след на бумаге, — сказала она. — Есть независимое изображение самой двери.

— И теперь можно искать не абстрактный проход, — ответила Лада. — А работы по конкретному фасаду.

Матвей убрал рейку под козырёк. Вера заметила, что рука у него дрожит от холода, и только теперь поняла: он ждал их не несколько минут. Возможно, весь вечер.

— Поднимемся к Нине? — спросил он.

Вера посмотрела на брата, затем на Арсения и Ладу.

— Вместе. Сначала зафиксируем журнал. Потом посмотрим альбом, если Нина согласится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.